

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2024 г. И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.01.2023 г.

Аннотация. В статье излагается авторская концепция правовой идентичности. Проблема идентичности сегодня стала актуальной темой в социологии, политологии, антропологии. Формируется представление об актуальности изучения правовой идентичности. Наиболее адекватной методологией исследования правовой идентичности, по мнению автора, является постклассическая, которая акцентирует внимание на процессуальной динамике, а не на ее структуре или статике. Правовая идентичность, как обосновывается автором, — это не сами по себе нормы права, формулирующие правовые статусы, а их реализация в правовом порядке. При этом происходит опознание формального правового статуса, его принятие (соотнесение с личностной интенцией, интересами) и воспроизводство практиками.

Ключевые слова: идентичность, правовая идентичность, постклассическая методология права, правовой статус, реализация права.

Цитирование: Честнов И.Л. Правовая идентичность: постклассическое измерение // Государство и право. 2024. № 3. С. 28–38.

DOI: 10.31857/S1026945224030037

LEGAL IDENTITY: POSTCLASSICAL MEASUREMENT

© 2024 I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Received 17.01.2023

Abstract. The article presents the author's concept of legal identity. The problem of identity has become an urgent topic in sociology, political science, and anthropology today. An idea is being formed about the relevance of studying legal identity. According to the author, the most adequate methodology for the study of legal identity is postclassical, which focuses on procedural dynamics, rather than its structure or statics. Legal identity, as justified by the author, is not in itself the norms of law that formulate legal statuses, but their implementation in the rule of law. At the same time, the formal legal status is recognized, its acceptance (correlation with personal intention, interests) and reproduction by practices.

Key words: identity, legal identity, postclassical methodology of law, legal status, implementation of law.

For citation: Chestnov, I.L. (2024). Legal identity: postclassical measurement // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 28–38.

«Идентичность» – ключевой термин в общеупотребительной идиоме современной политики»¹. Он если не вытесняет традиционное понятие «общественное сознание», то по крайней мере сосуществует с ним и следует признать, что сегодня стал гораздо более популярным. В чем причина этого? Полагаем, что изменения, происходящие в мире, способствуют переосмыслению старых понятий, описывающих социальное бытие и появление новых. Приживутся ли они – вопрос открытый. Одной из таких новых категорий как раз и является «идентичность», включающая правовой ее аспект.

На наш взгляд, перспективы изучения идентичности в социогуманитарном знании связаны прежде всего с антропологическим «поворотом», который произошел во второй половине XX в. и который акцентирует внимание на человекомерности социальных институтов и техники². Он не только привлек внимание к социальным группам, которые по какой-то причине ощущают свою политико-правовую ущемленность и в связи с этим заявляют претензии на свой особый статус и даже не только к требованиям уважения достоинства личности как правового притязания к другому, к государству и обществу³. Антропологический поворот утверждает, что идентичность – это содержательная характеристика личности, необходимое условие для существования морали, права, шире – любой нормативной системы. Всякая концепция нормативности неизбежно связана (и потому зависит от нее) с теорией идентичности, так как любая норма предполагает своего адресата. Реализация же нормы (в том числе правовой) – это соотнесение личностной интенции (интересов, потребностей, ожиданий), образующей идентичность, с информацией, сформулированной в норме. Более того, теория идентичности вписывается в механизмы восприятия мира и себя в нем, имеет прямое отношение к определению «нормальности» – т.е. правосубъектности (в юридической ее – «нормальности» – форме). А от определения так понимаемой «нормальности» зависит существование нормативности социального мира и правопорядка.

Идентичность, с другой стороны, – важнейшее условие интерсубъективности (заменяющей натуралистическую объективность) в науке. Исследователь обязан эксплицировать собственную позицию – идентифицировать ее или себя как автора, занимающего научную позицию, – по рассматриваемому вопросу, прежде чем приступать

к его исследованию. Не существует беспредпосылочного, или «чистого», познания и его результата – знания. Контекстуальные (исторические и социокультурные) предпосылки познания, их идентификация вместе с личностными научными идиосинক্রазиями – важнейшая задача научного исследования, дополняющая познание самого объекта исследования. Как писал П. Бурдьё, понимание, которое кажется нам «очевидным, понятным с первого взгляда», на деле всегда субъективно и зиждется на некоторых основаниях⁴. Выход выдающийся французский социолог видит в «двойной объективации»: объективировать процесс объективации – «объективировать собственную позицию» – для достижения научной состоятельности⁵.

Именно такая процедура рефлексивности позволяет дать конструктивный ответ на вызов постструктурализма, провозгласившего «смерть субъекта». Сразу же необходимо отметить, что данная метафора часто трактуется критиками постсовременности на основе предвзятых и недостоверных представлений об этом сложном феномене⁶. Провозглашение «смерти субъекта» – автора как исходной трансцендентальной сущности – производится Р. Бартом и М. Фуко, а также их последователями для того, чтобы показать роль структуры в производстве социальности и преодолеть структурное принуждение.

Следует заметить, что понятие идентичности – его содержание – является исторически изменчивым. Изначально, как утверждает В.С. Малахов, в античной и шире – классической метафизике – идентичность понимается как характеристика бытия, тождественного самому себе и всякому другому существу. Так, понимаемая идентичность исключает различие как «иное бытие», а вместе с ним и то, что выступает причиной инаковости – изменение»⁷.

⁴ См.: Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма, 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований ИС РАН. М., 1996. С. 23. Тот, кто считает, что встречается с народом, пишет П. Бурдьё, на деле встречается с собственной идеей о нем (см.: там же. С. 25).

⁵ См.: там же.

⁶ Примером такого взгляда является позиция С.А. Бочкарёва. Не утруждая себя изучением существа вопроса, специалист в области философии уголовного права с порога отмечает «стирание (в оригинале текста опечатка почти по Фрейдю – “старание”. – И.Ч.) автора в пользу форм, свойственных дискурсу» (см.: Бочкарёв С.А. Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // Государство и право. 2021. № 11. С. 29). То, что именно дискурс (или дискурсивные практики) конструирует статус субъекта (в том числе субъекта права), С.А. Бочкарёв почему-то оставляет без внимания.

⁷ Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001. С. 81. Только в конце 60-х годов XX в. постструктуралисты и неомарксисты начинают акцентировать внимание на различии в противовес тождеству.

¹ См.: Брубейкер Р. За пределами «идентичности» / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. С. 62.

² См.: Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.

³ См.: Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М., 2019.

При этом со времен Д. Локка⁸ и вплоть до символического интеракционизма в лице Д. Мида и Ч. Кули термины «самость» и «идентичность» отождествляются⁹. Однако во второй половине XX в. термин «идентичность» приобретает самостоятельность и рассматривается в сложной взаимозависимости с понятиями «самость», «тождество» и «различие». Наиболее последовательную философскую разработку концепт «идентичность» получил в трудах П. Рикера. Для выдающегося французского философа, природа идентичности — диалектика самости и различия¹⁰. Она проявляется прежде всего в «разрыве между личностью как публичным единством и сознанием как единством частным...»¹¹. Соотнесение социальных статусов, в которых все мы живем и без приписывания которых невозможна идентичность (включая самописание человеком самого себя) с персональностью как уникальной интернализацией социальных свойств — главная антиномия идентичности (шире — личности как процесса ее формирования, социализации), которая, считаем, разрешается внутренним диалогом, воплощаемым в интеракциях.

Полагаем принципиально важным акцентировать внимание на то, что *идентичность — это диалог тождества и различия*. Размышление о любом объекте восприятия и о самом себе (рефлексируемом как объект) предполагает, во-первых, категоризацию и классификацию воспринимаемого¹² (при этом категоризация и классификация производятся вместе с восприятием, встроены в процесс перцепции). Во-вторых, идентичность включает поиск и демонстрацию различия

⁸ Интересно, что для Д. Локка личность — это юридический термин, включающий как действие, так и его оценку (юридическую квалификацию, если говорить современным юридическим языком), и он может быть использован только применительно к вменяемым агентам, способным подчиняться закону (см.: *Dennett D. Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology*. 2nd ed. London, 1986. P. 269).

⁹ Идентичность как тождественность самому себе, по Д. Локку, образует содержание идентичности (см. подр.: *Рикер П. Память, история, забвение* / пер. с франц. М., 2004. С. 144–152).

¹⁰ См.: *Рикер П. Я-сам как другой* / пер. с франц. М., 2008. С. 172.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Заметим, что после пионерских работ когнитивистов Э. Рош и Дж. Лакоффа такая категоризация — это не аристотелевское подведение под родовое понятие, но отождествление с образцом, задаваемым «прецедентным мышлением». На этом же настаивал П. Бурдьё, когда писал, что пора «порвать с интеллектуализмом неокантианской традиции и понять, что когнитивные структуры являются не формами сознания, а телесными предрасположенностями» (см.: *Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля* // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН*. М., СПб., 1999. С. 155).

(или различия) воспринимаемого от типичного, что проявляется в специфике «самости» (в терминах П. Рикера). Но фиксация различия производится в типичных категориях и конструкциях, поэтому процесс категоризации и различия воспроизводится при обнаружении все новых и новых свойств описываемого. Описываемая проблема идентичности — противоречие между самостью (неповторимым и уникальным Я) и тождеством с группой. Можно ли обнаружить экзистенциальную сущность личности, не сводимую к социальным ролям — статусам? При любом самоописании (без чего невозможна личностная идентичность) происходит наделение себя ярлыками: я — мужчина, такого-то возраста, с таким-то образованием, специалист в том-то, любитель того-то и т.д. Можно «быть» только тем, статус кого существует (невозможно, например, стать римским патрицием, так как они остались в прошлом). С другой стороны, социальные статусы существуют только в том случае, если они воспроизводятся практиками людей — иначе роль, которую никто не играет перестает быть ролью. Поэтому социальные статусы зависят от их сконструированности (их создают все же люди, хотя и не по своему произвольному усмотрению) и практического воплощения. Да, мы живем в обстоятельствах, на которые отдельный человек не может повлиять, но эти обстоятельства тем не менее создаются, поддерживаются и изменяются нами. В любом случае любая личностная интенция — социальное измерение «личностного». Где же в таком случае ее уникальность? Полагаем — в неповторимой комбинации свойств, описываемых как типичные, общие, обнаруживаемые у любого человека: в уникальных «наших» контекстуальных и ситуативных потребностях и интересах в рамках типичных потребностей и интересов (представленных, например, «пирамидой» А. Маслоу). Такое описание («самонаратив») переводит личностное в интерсубъективное и шире — в социальное. А каждое (любое) социальное свойство имеет юридическое измерение (может быть наделено юридической значимостью). В общем и целом *диалог самости и социальной принадлежности, как представляется, составляет основу идентичности*.

Процесс идентификации, или идентичность в динамике, как следует из его диалогичности, всегда является интерсубъективным: только взаимное признание, которое можно считать содержанием диалога, есть основание идентичности¹³, хотя так понимаемый диалог и взаимное признание зачастую далеки от идиллии полного согласия, но может

¹³ Взаимное признание — сложный, противоречивый процесс, выражающийся в борьбе за признание, блестяще описанный П. Рикером в работе «Путь признания» (см.: *Рикер П. Путь признания: три очерка* / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М., 2010).

быть и «агональным» диалогом. Важно принятие позиции другого и взаимоотношение с ним собственных интенций и ожиданий. Такая взаимодополнительность обеспечивает совместность бытия и выступает основанием любой социальности.

Условиями идентичности как «личности», по мнению известного американского философа, лидера «философского натурализма» Д. Деннета, являются: рациональность личности, атрибутируемость ей сознательности или ментальных предикатов, отношение к актору как к личности, способность к вербальной коммуникации, наличие у личности самосознания¹⁴. При этом, как подчеркивает Д. Деннет, быть рациональным означает наличие интенциональности и установки на взаимность. Взаимность, в свою очередь, предполагает способность к вербальной коммуникации и наличие особого типа сознания — рефлексии¹⁵.

Проблема идентичности — ее множественность. В этой связи можно ли говорить об идентичности как таковой, или следует вести речь об *идентичностях*? Эта философская проблема воспроизводит спор реалистов и номиналистов. Идентичность как общее понятие — не более чем абстракция, всеобщее, проявляющееся в единичном: в конкретных идентичностях, приписываемых отдельным индивидам. В этой связи возникает еще одна философская проблема: существуют ли коллективные идентичности, и если да — то в каком виде или в какой форме? Согласимся с В.С. Малаховым, что нельзя проводить прямую аналогию между обществом и личностью. Следовательно, приписывать статус субъективности коллективному образованию означает реифицировать (или гипостазировать) абстрактное понятие. Поэтому ошибочно мыслить идентичность как «субстрат, субстанцию или, если угодно, как “субстанцию, которая есть еще и субъект”»¹⁶. Таким образом, всевозможные заявления о сущности народа или нации, об их свойствах, позволяющих проводить их идентичность — не более чем социальные представления, в которых предикат подменяется атрибутом. Конечно, они реально существуют как «воображаемые сообщества» в стереотипах обыденного сознания и достаточно распространены в публицистике. Однако научная добросовестность требует критической рефлексии над такого рода абберациями — редукцией единичного в общее и их реификацией: наделением вещественным существованием, натурализацией. Таким образом, коллективные или групповые идентичности — это не более чем господствующие в определенной социальной группе представления

(стереотипы) о свойствах, приписываемых всем представителям, образующим это коллективное образование¹⁷. Очевидно, что такого рода стереотипы¹⁸ всегда огрубляют и искажают многообразие личностных свойств акторов, входящих в данный «коллектив», а также реифицируют их, наделяя статусом онтологического бытия. В то же время нельзя не согласиться с мнением С. Хантингтона о том, что «индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах»¹⁹.

Не случайно Э. Эриксен, один из основоположников теории идентичности, именуется ее личностной, хотя и подразделяет на «Я-идентичность» и групповую, а также социальную идентичность. Первая образуется осознанием собственной уникальности как физического и психического существа, наделенного индивидуальными способностями, отличающими каждого из нас от любого другого. Групповая же идентичность (как и социальная) — это принадлежность индивида к определенным социальным группам и общностям²⁰.

Идентичность не существует как готовая и статичная данность, а представляет собой процесс постоянного вос- и перепроизводства диалога тождества и самости. Идентичность — это не данность, а процесс²¹. «Идентичности в общем и целом, — писал

¹⁷ Групповая идентичность, по мнению выдающегося американского психолога Г. Тейджфела, — это образы и оценки, приписываемые человеком той или иной социальной группе (см.: *Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981. P. 63*).

¹⁸ Стереотип, с точки зрения одного из родоначальников его изучения в социальной психологии Г. Олпорта, представляет собой упрощенный и одновременно эмоционально окрашенный образ, устойчивый в данной группе предрассудок, гиперболизирующий, преувеличивающий ту или иную черту объекта (см.: *Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.), 1954*).

¹⁹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. С. 50, 51.

²⁰ См.: *Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. NY, 1968*.

²¹ В той связи возникает множество эпистемологических проблем, отмеченных Р. Брубейкером и Ф. Купером. «“Мягкий” конструктивизм позволяет мнимым “идентичностям” множиться. Но по мере их умножения сам этот термин утрачивает аналитическую ценность. Если идентичность находится везде, то ее нет нигде. Если она текуча, то как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизуются? Если она сконструирована, то как можно понять принудительность внешних идентификаций? Если она множественна, то как понять ту ужасную единичность и единственность, которой часто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и включающие группы? Как мы можем понять силу и пафос политики идентичности?» (см.: *Брубейкер Р. Указ. соч. С. 62*). Является ли это основанием для отказа от конструктивистской научно-исследовательской программы при исследовании идентичности? Отнюдь! Тем более что сами авторы — Р. Брубейкер и Ф. Купер — анализируют идентичность как практическую категорию в духе П. Бурдьё, как категорию «повседневного

¹⁴ См.: *Dennett D. Op. cit. Pp. 271–273*.

¹⁵ См.: *ibid. P. 274*.

¹⁶ *Ibid. P. 89*.

С. Хантингтон, — представляют собой конструкции. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению... Перефразируя Андерсона, идентичности — воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности, пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности»²². Выяснение того, как происходит конструирование идентичности, кто и почему участвует в этом процессе и как затем идентичность седиментируется и хабиитуализируется, превращаясь в само-собой разумеющийся феномен — важнейшая задача социальной науки. Только такой подход является адекватным исследованием идентичности — этого сложного явления.

Правовая идентичность в юридической науке

Зачем изучать правовую идентичность? Это свяzano, как ни странно, с вечным вопросом «кто я». От того, как определяет себя человек, отвечая на вопрос «кто я», зависит его фактическое (в том числе юридически значимое) поведение. Следовательно, изучение права в действии (в социологическом, а не позитивистском смысле этого слова) не может не оперировать понятием правовой идентичности. Станным в этой связи выглядит заявление Е.В. Резникова о том, что, поскольку «право оперирует лишь типичными, но не уникальными характеристиками человека» («неповторимые свойства человека неизбежно остаются за пределом внимания права»), правовым содержанием «обладает лишь социальная, но не личностная идентичность», которая основывается на правовом статусе как усредненной и обобщенной модели²³. Традиционный, классический подход, различающий по принципу бинарных оппозиций объективное и субъективное право (а по большому счету изымающий субъективное право из предмета изучения юриспруденции) ориентирован на такую типичность и усредненность. Однако субъективное право, понимаемое как фактические действия, наделенные юридическим значением и смыслом, не может не учитывать сложную диалогическую взаимообусловленность типичного

социального опыта, развиваемую и употребляемую обычными социальными акторами, в отличие от категории, удаленной от опыта, которой пользуются социальные аналитики» (см.: Брубейкер Р. Указ. соч. С. 69).

²² Там же. С. 51, 52.

²³ См.: Резников Е.В. Правовая идентичность в личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьбы. М., 2015. С. 217.

и индивидуального. Поэтому правовая идентичность не отчуждена от человека, так как носит формальный характер, о чем заявляет Е.В. Резников²⁴, но находится в постоянном процессе воспроизводства, в котором (как, например, и в правовой социализации личности) внешние, «отчужденные» факторы интериоризируются в правовую культуру (прежде всего в правосознание) человека, наполняются индивидуальным содержанием через соотнесение с личностными интенциями, и в этом качестве выступают мотивацией его поведения (правовой активности).

Н.В. Исаева дает более глубокую трактовку правовой идентичности, по сравнению с Е.В. Резниковым. По ее мнению, идентичность — «форма бытия человека, обусловленная его социальным включением», которая характеризуется тремя взаимосвязанными компонентами: самоидентичностью, признанием личности социально значимым социальным окружением и уверенностью в стабильности идентичности²⁵. При этом важно не просто зафиксировать эти моменты правовой идентичности, но показать, как именно они взаимообуславливают друг друга. *Правовая идентичность — это соотнесение своей самости с правовым(ми) статусом(ми), что предполагает знание (не обязательно четкое) правовых статусов и того, кто я такой (знание собственной самости), легитимацию правового статуса, соотнесение с ним правовой интенции и экспектации (ожидания принятия моей правовой идентичности другим, адекватности его интенции и поведения в отношении меня) и воспроизводство в практиках, как ментальных, так и поведенческих.*

Наиболее адекватную, с нашей точки зрения, научно-исследовательскую программу анализа правовой идентичности дает постклассическая методология.

Постклассический подход к исследованию правовой идентичности

Постклассическая методология, задающая конфигуры постсовременной онтологии идентичности²⁶ (в зависимости от принятого и используемого

²⁴ См.: там же. С. 6.

²⁵ См.: Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013. С. 14, 15.

²⁶ Хотим мы того или нет, признаем мы это или отрицаем (как это делает, например, С.А. Бочкарёв), но все мы с конца XX в. живем в эпоху, приходящую на смену модерну (современности). Ее можно именовать по-разному — как «высокий модерн», «поздний модерн» или «постмодерн» (но не постмодернизм!), но отрицать кардинальные изменения, которые произошли в нашей жизни — в социальной и технической реальности и ее восприятии, неотделимой от самой реальности — не в состоянии даже самый заскорузлый консерватор. То, что

метода конструируется предмет научного исследования) предполагает ее сконструированность и контекстуальность, как историческую, так и социокультурную (включающую в том числе экономическое и политическое измерения). Правовая идентичность с позиций постклассической парадигмы — это не статичная данность, а постоянный процесс идентификации. Власть с помощью правовой политики и интерпелляции формирует юридические статусы, с которыми все мы вынуждены соотносить свои интенции, ожидания.

Таким образом, механизм конструирования правовой идентичности — это деятельность власти (элиты, представителей основных референтных групп) по созданию правовых статусов и наделение их юридической значимостью, по убеждению населения в их принятии (легитимации) а также воспроизводство правовых статусов практиками акторов — людей, выступающих носителями статуса субъектов права. Особую роль в конструировании правовой идентичности играет государство с помощью власти номинации, имманентной идеологии²⁷. Государство не просто фиксирует правовые статусы, классифицируя людей на соответствующие группы. Это мало: для обретения правовой идентичности и, соответственно, эффективного действия права, необходимо, чтобы правовые статус были интернализированы правосознанием людей — носителей статусов субъектов права. Только в таком случае законодательство не будет «мертво-рожденными» требованиями или благими пожеланиями, а станет воспроизводимой реальностью. Постсовременное государство не только производит номинацию социального мира (по терминологии П. Бурдьё), но и убеждает население в единственно возможной именно такой картине мира.

постсовременность включает жизненные миры современности и даже досовременности (традиционного общества), не отменяет очевидности глобальных трансформаций таких общественных отношений, как политика, экономика, законодательство, культура. Понимая, что в данной статье нет возможности обстоятельно изложить свою позицию по данному вопросу, отсылаю читателя к следующим работам (см.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012; Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016).

²⁷ По мнению П. Рикера, идеология искажает реальность, легитимирует систему власти и интегрирует мир в целое с помощью символических систем, имманентных действию. На самом глубинном уровне «феномен идеологии предстает в качестве конституирующего некую непреодолимую структуру действия, поскольку символическое посредничество порождает различие между мотивациями человеческого действия и наследственными структурами генетически запрограммированных форм поведения» (см.: *Рикер П. С.* Память, история, забвение / пер. с франц. М., 2004. С. 121). Соглашаясь с концептуальной структурой идеологии, предлагаемой П. Рикером, нельзя не заметить, что, так как не существует реальности, не опосредованной идеологией (как бы к этому ни относиться), идеология не «искажает» реальность, но конструирует ее.

Наиболее важным аспектам социальных представлений государство приписывает юридическую значимость, превращая их в правовые нормы. При этом государство — не единственный субъект конструирования правовых идентичностей. Важную роль в этом процессе играет гражданское общество, референтные группы, население как объект идеологического воздействия (зачастую, особенно в постсовременном обществе массового консюмеризма — объектом манипулирования). Вырабатываемая государством во взаимодействии с основными социальными группами идеология как система господствующих в данном социуме представлений, обеспечивает легитимацию существующего общественного и правового устройства (общественного порядка и правопорядка)²⁸. Как писал Л. Альтюссер, школа не только обучает и приобщает детей к знаниям, но и к «правилам порядка», установленным, по его мнению, господствующим классом, обеспечивая тем самым установленный доминирующим классом порядок в обществе²⁹. При этом государство действует как идеологический аппарат, включающий, по мнению французского неомарксиста, не только школу, но и религию, семью, юриспруденцию, политическую систему, профсоюзы, информационные системы, культуру. Не важно, что такие институты могут быть и частными (например, школьные учреждения), а важно то, что они контролируются и направляются государственной властью и служат интересам государства, которое, в свою очередь, по мнению Л. Альтюссера, выражает интересы буржуазии³⁰. Такого рода воздействие значительно отличается от прямого (физического) принуждения и описывается в неомарксизме термином «гегемония». Со времен А. Грамши гегемония — это такое сочетание силы и согласия, которое исключает преобладание первого над вторым, это создание видимости того, будто сила опирается на согласие большинства через органы общественного мнения. Сегодня, как замечает П. Андерсон, гегемония означает

²⁸ Ныне идеология «воплощается в форматах, — отмечает А.В. Рубцов, — связанных с теньевыми идеологическими институтами и латентной идеологией. Стандартными понятиями эти процессы не описываются или не опознаются вовсе. Отсюда потребность в расширенной трактовке идеологии, в том числе как системы институтов и практик, обеспечивающих особого рода диффузное, «проникающее» воздействие на сознание и идеологическое бессознательное. Одновременно понятие идеологии выходит за пределы узко понимаемой политики и в «предельном» расширении обнаруживается в самых разных сферах познания, культуры, экономики и повседневной жизни» (см.: *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27).

²⁹ См.: *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.

³⁰ См.: там же.

«согласие, которое правители добиваются от тех, кем правят, и в то же время применением принуждения с целью упрочить их правление»³¹. Важно то, что «определяющей функцией всякой идеологии является “конституирование” конкретных индивидуумов в субъектов. Именно в этом двойном процессе конституирования и осуществляется функционирование всякой идеологии»³².

Государство дисциплинирующими практиками, как показал М. Фуко, производит субъектов как таковых и, несомненно, субъектов права. Режим объективации преобразует человека в субъекта через превращение его в объект, разделяя безумца и человека в здравом уме, больного и здорового, преступника и законопослушного гражданина³³. Государство, используя такую форму власти, как «власть знания», распространяется непосредственно на повседневную жизнь, «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов»³⁴.

Государство «интегрировало в новой политической форме старую технику власти, возникшую в христианских институтах. Назовем эту технику власти пастырской властью». «Это форма власти, которая заботится не только о сообществе как целом, но и о каждом конкретном индивиде на протяжении всей его жизни. Эта форма власти не может осуществляться без знания о том, что происходит в головах людей, без исследования их душ, без принуждения их к раскрытию своих наиболее интимных тайн. Она имеет в виду познание сознания (совести) и способность управлять им (ею)»³⁵. Таким образом, государство, пишет М. Фуко, характеризуется развитием индивидуализирующей «тактики», характерной для целого ряда разнообразных властей: семьи, медицины, психиатрии, воспитания, работодателей и т.д.³⁶

На наш взгляд, один из важнейших аспектов исследований М. Фуко состоит в демонстрации того, как организованное государством общество устанавливает критерии «нормальности»

(правосубъектности в юридическом смысле), на их основе классифицирует индивидов, легитимирует именно такое устройство общественного порядка и тем самым задает основания для правовой идентификации. Конечно, этот процесс осуществляется не только государственной властью, но широким кругом субъектов, образующих поле сил, конкурирующих за право официальной номинации социального (а значит — и юридического) мира.

П. Бурдьё, выдающийся французский социолог, сформулировал много важных идей, относящихся к данной теме. Прежде всего он обращает внимание на символическую власть официальной номинации, которой «учреждается» социальный мир. «Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая *гносеологический* порядок: непосредственное мироощущение (в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм назвал *логическим конформизмом*, т.е. “гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами”»³⁷. Эта символическая власть сосредоточена прежде всего в руках государства.

Государственная власть, утверждал П. Бурдьё, производит и навязывает «(в частности, через школу) категории мышления, которые мы согласны применять ко всему, что есть в мире, а также к самому государству»³⁸. С помощью законодательства и актов правоприменения, право через органы государственной власти «узаконивает сложившийся порядок, легитимируя видение этого порядка, которое обеспечивается Государством и представляет его точку зрения. Оно присваивает агентам гарантированную идентичность, гражданское состояние и главное социально признанные, а значит, продуктивные компетенции (или возможности) путем распределения прав на их использование — званий (учебных, профессиональных), свидетельств (о профпригодности, инвалидности, болезни), а также санкционирует все процессы, связанные с получением, увеличением, передачей или лишением этих прав»³⁹. В то же время П. Бурдьё

³⁷ Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевод. Н.А. Шматко. М.: СПб, 2005. С. 89.

³⁸ Бурдьё П. Дух государства // Там же. С. 220. В другой работе он отмечает: «Через условия, которое государство навязывает практикам, оно учреждает и внедряет в головы общепринятые формы и категории восприятия и мышления: социальные рамки восприятия, понимания или запоминания, мыслительные структуры государственные формы классификации. Тем самым оно создаст обстоятельства как бы непосредственного согласования габитусов, являющегося основанием некоторого рода консенсуса по совокупности взаимопризнаваемых бесспорных истин, составляющих здравый смысл» (см.: Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 154).

³⁹ Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдьё П. Социальное пространство: поля

³¹ Аднерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Краlechкина; под науч. ред. В. Софронова. М., 2018. С. 38, 39.

³² Альтюссер Л. Указ. соч.

³³ См.: Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. В.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М., 2006. Ч. 3. С. 161.

³⁴ Там же. С. 167, 168.

³⁵ Там же. С. 170, 171.

³⁶ См.: там же. С. 173.

дье подчеркивает, что, хотя государство, по М. Веберу, есть «держатель монополии на легитимное символическое насилие, точнее, арбитр, но очень могущественный, в борьбе за эту монополию». Однако «в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социального мира обладатели бюрократической власти никогда не получают абсолютной монополии, даже когда добавляют авторитет науки (как, например, экономисты на службе у государства) к бюрократическому авторитету. В действительности в обществе всегда существует конфликт между разными символическими властями, стремящимися навязать свое видение легитимных делений, т.е. создавать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking*. *Worldmaking* – конструирование мира, заключается, по Нельсону Гудмену, в том, чтобы “делить и объединять, часто одним и тем же действием”, производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка. Социальные классификации, оперирующие главным образом (как, например, в архаических обществах) бинарными противопоставлениями: мужской-женский, высокий-низкий, сильный-слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир»⁴⁰.

Именно право, по мнению П. Бурдьё, будучи «наивысшей формы символической власти официальной номинации», «создает социальный мир», вызывая реальные последствия⁴¹. Однако одного наименования – превращения социального в юридическое – недостаточно. Для реального (социального) действия права необходимо, чтобы оно стало легитимным. «Символическая власть, как известно, не может осуществляться без неосознанного или даже вынужденного согласия со стороны тех, кто ей подчиняется. Представляя собой высшую форму легитимного дискурса, право может быть

и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. С. – СПб., 2005. С. 104. В курсе лекций «О государстве» П. Бурдьё подчеркивал, что важнейшая и «одна из наиболее общих» функция государства – это «производство и канонизация социальных классификаций» (см.: *Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)* / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с франц. Д. Кралечкина и И. Кушнareвой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 61). Делает это государство с помощью актов категоризации, превращающих «частное мнение в универсальное». Именно государство производит «принципы классификации» социальных процессов, структурирует социальный порядок, наши дела и мысли, обеспечивая «принятие доксы», производя «опыт социального мира как чего-то самоочевидного» (см.: там же. С. 354, 355).

⁴⁰ *Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. С. 83.*

⁴¹ См.: *Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля. С. 104.*

действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить признание; иначе говоря – при том условии, что остается в тени большая или меньшая часть произвола, лежащего в основе его функционирования. Постоянное воспроизводство веры в юридический порядок является одной из функций собственно юридической работы, заключающейся в кодификации этических представлений и практик и способствующей внушению профанам основ профессиональной идеологии юристов, т.е. веры в нейтральность и автономию права»⁴². Именно здесь – в процессе реализации (социального действия) права принципиально важную роль играет правовая идентичность.

Исследования П. Бурдьё относятся к тому, что ныне именуется постклассической наукой, прежде всего его концепция габитуса. Следует заметить, что теория габитуса, позволяющая «снять» важнейшую социальную антиномию – структуры и действия (агента)⁴³, разработанная П. Бурдьё в общесоциологическом плане, не получила у него развита применительно к полю права и политики⁴⁴, хотя активно используется при анализе экономики. Так, преимущества концепта «габитус» перед *homo*

⁴² Там же. С. 110, 111.

⁴³ В курсе лекций «Экономическая антропология» П. Бурдьё утверждал, что понятие габитуса позволяет «обойтись» без трех «вредных» и даже «смертельно опасных» оппозиций, «очень модных в американских дискуссиях и у социологов, и у экономистов»: индивидуальное и коллективное (индивидуальное действие против коллективного), механицизма и финализма (чем именно определяются человеческие поступки – причинами или доводами) и микро и макро (см.: *Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)* / под ред. П. Шампаня, Ж. Дювалля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с франц. Д. Кралечкина. М., 2019. С. 300, 301). Более того, габитус, с его точки зрения, – это «коллективное индивидуальное. Действительно, поскольку мы наделены габитусом (то есть устойчивыми, постоянными и относительно систематическими предрасположенностями, к примеру вкусам), то в каком-то смысле являемся коллективизированными индивидами, поскольку социально сформированные предрасположенности являются общими (в определенной степени и с индивидуальными отклонениями и вариациями) всем социальным агентам, находящимся в одних и тех же условиях и подчиненных одним и тем же детерминациям» (см.: там же. С. 301).

⁴⁴ Отдельные положения, конечно, можно найти в его работах. Например, он утверждал, что государство «создает обстоятельства как бы непосредственного согласования габитусов, являющегося основанием некоторого рода консенсуса по совокупности взаимопризнаваемых бесспорных истин, составляющих здравый смысл. <...> Подчинение установленному порядку есть результат соглашения между когнитивными структурами, которые коллективная история (филогенез) и индивидуальная история (онтогенез) воплотили в телах, объективными структурами мира, к которому они применяются. Бесспорность государственных предписаний заставляет признать себя с тем большей силой, что оно [государство] навязывает когнитивные структуры, в соответствии с которыми его нужно воспринимать» (см.: *Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 154, 155).*

economicus «состоит в том, что основанием экономических решений индивидов, домохозяйств, потребителей, а также предприятия является не рациональное сознание экономических агентов, а то, что я называю габитусом, то есть система predispositions... выступающая одновременно систематическим и практическим порождающим принципом конкретных актов предпочтения»⁴⁵.

Габитус как индивидуальная predisposition, схема интерпретации мира в правовом поле и есть правовая идентичность в действии права. Эта личностная predisposition предписывает актору идентифицировать себя так-то и так-то, с теми или другими референтными группами. Таким образом, габитус в юридической сфере действует через или посредством правовой идентичности. Так, норма права потенциально отсылает к адресату (если норма права — это правило поведения, а не принципы или дефиниции). Поэтому норма права фиксирует субъекта права (закрепляет правовой его статус), являясь тем самым основанием правовой идентичности. Реализуется же норма права в юридически значимых действиях людей — носителей статуса субъектов права через или с помощью идентификации ситуации и себя в ней. Здесь происходит восприятие ситуации на основе существующих (выработанных в процессе правовой социализации) в правосознании индивида юридических фреймов и скриптов, ее оценка (отчасти или в некоторых случаях — юридическая квалификация), соотнесение оценки с собственными намерениями, которые взаимосотносятся с намерениями и оценками (как предполагает субъект оценки) других участников интеракции (как правило, правоотношений) в данной ситуации. Тем самым диалогически взаимоувязывается внутренняя точка зрения с позицией «внешнего наблюдателя» (например, правоприменителя): как отреагируют на действия субъекта другие контрагенты.

Важной проблемой является соотношение правовой идентичности и правового статуса. Как представляется, это соотношение содержания и формы (если правовой статус понимается формально-юридически). Поэтому сами по себе нормы права (например, конституционные нормы), закрепляющие правовой статус, — это еще не правовая идентичность, но ее формальное основание. Сама же правовая идентичность представляет собой процесс соотнесения себя с ними (нормами права, в которых закрепляется правовой статус абстрактного субъекта права — адресата(ов)

⁴⁵ Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с фр. Д. Кралечкина. С. 300.

нормы права), их принятие и воплощение в юридически значимых практиках (ментальных и поведенческих). Правовые нормы сами по себе — это еще не правовая (например, конституционная) идентичность⁴⁶, но ее важнейшая предпосылка. Правовая же идентичность возникает в процессе реализации норм права.

Таким образом, *правовая идентичность как процесс юридической идентификации — имманентный, важнейший аспект реализации права: опознание формального правового статуса, его принятие (соотнесение с личностной интенцией, интересами) и воспроизводство практиками*. С какими правовыми статусами отождествляют себя люди и в какой степени — от ответа на этот вопрос зависит содержание и состояние юридической практики. В этом же состоит практическая составляющая или измерение данной темы. При этом особой проблемой правовой идентичности является существование неформальных правовых институтов, обычного (неписаного) права. Дело в том, что все нормы права, как материального, так и процессуального, реализуются на практике через их конкретизацию в правовых обычаях — практиках, воплощающих навыки и умения субъектов права.

Остаются малоизученными и ждут своего исследования такие актуальные проблемы правовой идентичности, как количественное и качественное ее измерение, поиск показателей устойчивости и изменчивости, исследование основных референтных групп, задающих содержание и различие правовых идентичностей и многие другие. Полагаем, что за разработкой общетеоретических положений правовой идентичности обязательно последуют исследования ее конкретного воплощения в отдельных отраслях и институтах права (пример популярности изучения конституционной идентичности — тому наглядное подтверждение), в том числе, проблема злоупотребления правовой идентичностью, манипулирования правосознанием через идеологию, о чем применительно к идентичности как таковой с философской точки зрения писал П. Рикер⁴⁷. Так, тенденция, наблюдаемая со второй половины XX в. эволюции права в мире состоит в формировании все новых и новых норм (юридификации) и, соответственно, в росте дифференциации правовых статусов и идентичностей. На это противоречивое явление справедливо обращает внимание Ф. Фукуяма: происходит рост

⁴⁶ Так считает, например, Ю.Ю. Попова (см.: Попова Ю.Ю. Конституционная идентичность государства в условиях интернационализации конституционного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 4. С. 34).

⁴⁷ См.: Рикер П. С. Память, история, забвение / пер. с франц.

претензий (правовых притязаний) на признание все новых и новых социальных групп, что приводит к фрустрации существующих «старых» групп и фрагментаризации идентичностей⁴⁸. Это создает конфликт идентичностей и усложняет выбор разумного их количества (невозможно приобрести все идентичности сразу – неизбежен выбор, но он то как раз и затруднен из-за чрезмерного их избытка). Отсюда проблема поиска оснований разрешения конфликтов правовых идентичностей, что свидетельствует об актуальности избранного нами предмета исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3.
2. *Андерсон П.* Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М., 2018. С. 38, 39.
3. *Бочкарёв С.А.* Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // *Государство и право*. 2021. № 11. С. 29.
4. *Брубейкер Р.* За пределами «идентичности» / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. С. 51, 52, 62, 69.
5. *Бурдые П.* Власть права: основы социологии юридического поля // *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. С. – СПб., 2005. С. 104, 110, 111.
6. *Бурдые П.* Дух государства // *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. – СПб., 2005. С. 220.
7. *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН*. М. – СПб., 1999. С. 154, 155.
8. *Бурдые П.* За рационалистический историзм // *Социология постмодернизма*, 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований ИС РАН. М., 1996. С. 23, 25.
9. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с франц. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 61, 354, 355.
10. *Бурдые П.* О символической власти // *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 89.
11. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 83.
12. *Бурдые П.* Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с франц. Д. Кралечкина. М., 2019. С. 300, 301.
13. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013. С. 14, 15.
14. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // *Скромное обаяние расизма и другие статьи*. М., 2001. С. 81.
15. *Попова Ю.Ю.* Конституционная идентичность государства в условиях интернационализации конституционного права // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2018. № 4. С. 34.
16. *Постклассическая онтология права* / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
17. *Резников Е.В.* Правовая идентичность в личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьи. М., 2015. С. 6, 217.
18. *Рикер П.* Память, история, забвение / пер. с франц. М., 2004. С. 121, 144–152.
19. *Рикер П.* Путь признания: три очерка / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М., 2010.
20. *Рикер П.* Я-сам как другой / пер. с франц. М., 2008. С. 52, 172.
21. *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 18–27.
22. *Социокультурная антропология права* / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.
23. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М., 2019. С. 204.
24. *Фуко М.* Субъект и власть // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. В.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М., 2006. Ч. 3. С. 161, 167, 168, 170, 171, 173.
25. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. С. 50, 51.
26. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
27. *Allport G.* *The Nature of Prejudice*. Cambridge (Mass.), 1954.
28. *Dennett D.* *Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology*. 2nd ed. London, 1986. Pp. 89, 269, 271–274.
29. *Erikson E.H.* *Identity: Youth and Crisis*. NY, 1968.
30. *Tajfel H.* *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge, 1981. P. 63.

REFERENCES

1. *Althusser L.* Ideology and ideological apparatuses of the state // *The inviolable reserve*. 2011. No. 3 (in Russ.).
2. *Anderson P.* The Vicissitudes of hegemony / transl. from English by D. Kralechkin; ed. by V. Sofronov. M., 2018. Pp. 38, 39 (in Russ.).
3. *Bochkarev S.A.* The origins of postmodernism about the true meaning and purpose of post-law // *State and Law*. 2021. No. 11. P. 29 (in Russ.).
4. *Brubaker R.* Beyond “identity” / transl. from English by I. Borisova. M., 2012. Pp. 51, 52, 62, 69 (in Russ.).

⁴⁸ См.: *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 204.

5. *Bourdieu P.* The power of law: fundamentals of the sociology of the legal field // *Bourdieu P.* Social space: fields and practices / transl. from French; ed. of transl., comp. and afterword by N.A. Shmatko. S. – SPb., 2005. Pp. 104, 110, 111 (in Russ.).
6. *Bourdieu P.* The spirit of the state // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M. – SPb., 2005. P. 220 (in Russ.).
7. *Bourdieu P.* The Spirit of the State: the genesis and structure of the bureaucratic field // *Poetics and Politics.* Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the IS RAS. M. – SPb., 1999. Pp. 154, 155 (in Russ.).
8. *Bourdieu P.* For rationalistic historicism // *Sociologos of postmodernism, 97.* Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research IS RAS. M., 1996. Pp. 23, 25 (in Russ.).
9. *Bourdieu P.* About the state: a course of lectures at the College de France (1989–1992) / ed.-comp. P. Champagne, R. Lenoir, F. Pupo, M.-K. Riviere; transl. from the French. D. Krалеchkin and I. Kushnareva; preface by A. Bikbov. M., 2016. Pp. 61, 354, 355 (in Russ.).
10. *Bourdieu P.* On symbolic power // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M.; SPb., 2005. P. 89 (in Russ.).
11. *Bourdieu P.* Social space and symbolic power // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M. – SPb., 2005. P. 83 (in Russ.).
12. *Bourdieu P.* Economic anthropology: a course of lectures at the College de France (1992–1993) / ed. by P. Champagne, J. Duval with the participation of F. Pupo, M.-K. Riviere; afterword by R. Boyer; transl. from French by D. Krалеchkin. M., 2019. Pp. 300, 301 (in Russ.).
13. *Isaeva N.V.* Legal identity (theoretical and legal research). M., 2013. Pp. 14, 15 (in Russ.).
14. *Malakhov V.S.* Inconveniences with identity // *The modest charm of racism and other articles.* M., 2001. P. 81 (in Russ.).
15. *Popova Yu. Yu.* Constitutional identity of the state in the context of internationalization of constitutional law // *Asia-Pacific region: economics, politics, law.* 2018. No. 4. P. 34 (in Russ.).
16. *Postclassical ontology of law* / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016 (in Russ.).
17. *Reznikov E.V.* Legal identity in personality: from the theoretical foundations of formation and development to the professional identity of a judge. M., 2015. Pp. 6, 217 (in Russ.).
18. *Riker P.* Memory, history, oblivion / transl. from French. M., 2004. Pp. 121, 144–152 (in Russ.).
19. *Riker P.* The path of recognition: three essays / transl. from French I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. M., 2010 (in Russ.).
20. *Riker P.* I am myself as another / transl. with French. M., 2008. Pp. 52, 172 (in Russ.).
21. *Rubtsov A.V.* Transformations of ideology. The concept of the ideological in the “ultimate” expansion // *Questions of philosophy.* 2018. No. 7. Pp. 18–27 (in Russ.).
22. *Sociocultural anthropology of law* / ed. by N.A. Isaev, I.L. Chestnov. SPb., 2015 (in Russ.).
23. *Fukuyama F.* Identity: The desire for recognition and the politics of rejection / transl. from English. M., 2019. P. 204 (in Russ.).
24. *Foucault M.* Subject and power // *Foucault M.* Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews / transl. from French by V.M. Skuratov under the general editorship of V.P. Bolshakov. M., 2006. Part 3. Pp. 161, 167, 168, 170, 171, 173 (in Russ.).
25. *Huntingdon S.* Who are we? Challenges of American national identity / transl. from English by A. Bashkirov. M., 2004. Pp. 50, 51 (in Russ.).
26. *Chestnov I.L.* Postclassical theory of law. SPb., 2012 (in Russ.).
27. *Allport G.* The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.), 1954.
28. *Dennett D.* Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology. 2nd ed. London, 1986. Pp. 89, 269, 271–274.
29. *Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. NY, 1968.
30. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981. P. 63.

Сведения об авторе

ЧЕСТНОВ Илья Львович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; 191104 г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44
ORCID: 0000-0003-2083-5876

Authors' information

CHESTNOV Ilya L. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteiny Ave., 191104 St. Petersburg, Russia